

Стаття надійшла до редакції 26. 04. 2012 р.

Прийнято до друку 24. 05. 2012 р.

протоколом № 10.

Рецензент – д. соц. н, професор

Кононов І. Ф.

УДК 316.323.64

**Молодцов Б. И.**

### **ОБ ОБРАТНОМ ОБНАРУЖЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РЕАЛИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ**

В большой и всё более актуальной исследовательской программе, имеющей целью выявить перспективы капиталистической формы обустройства социально-экономической реальности в постсоветских странах, предметом нашего внимания является вопрос о самой способности сознания увидеть капитализм в некой, превышающей его реалии перспективе.

О чём же говорит в свете интересующего нас вопроса опыт постсоветских стран, в особенности, России и Украины? Представляется, что прежде всего именно о травматическом состоянии сознания людей – и массового, и сознания интеллектуалов, и того, которое принято называть элитарным. Весьма показательной в этой связи является статья «Инновационное развитие: уроки постсоветской России» известного российского экономиста, д. эконом. н. А. И. Колганова. В ней речь идёт о необходимости активизации инновационного процесса в российской экономике и о том, что эта необходимость достаточно хорошо осознавалась еще в последнее десятилетие существования советской экономической системы. Это осознание послужило одним из важнейших факторов проведения радикальных реформ, направленных на демонтаж плановой экономики и замену ее рыночной. Предполагалось, что демонтаж советской плановой системы должен был привести к снятию большинства институциональных и административно-организационных барьеров на пути инноваций и технологического обновления производства. Так и произошло – эти барьеры были во многом сняты, но инновационного и технологического прорыва не последовало. Прежде всего, потому что резко изменились критерии поведения хозяйствующих субъектов на всех уровнях национальной экономики [1]. Представление об этих критериях можно почерпнуть из книги российских же экономистов А. Б. Кобякова и М. Л. Хазина «Закат империи доллара и конец Pax Americana» [2]. Так авторы отмечают, что уже к концу 90-х годов прошлого века некоторым российским экономистам стало понятно,

что проводимая тогдашним «умеренно-либеральным» правительством России финансовая политика ведет к катастрофе, а вовсе не к инновационному развитию. Главной особенностью этой политики, которая собственно и стала причиной имевшего тогда место острого экономического кризиса, стало совмещение рынка ГКО (государственных казначейских обязательств) и валютного коридора. Напомним, что рынок государственных ценных бумаг с гарантированной (как в то время казалось) доходностью от 50 до 100% годовых, причём не только в рублях, но и в долларах, давал самую высокую прибыль в стране. Никакой другой рынок в России не обеспечивал такой высокой нормы прибыли. В результате все свободные денежные ресурсы страны устремились на этот рынок, а инновационного и технологического прорыва не состоялось ни тогда, ни до сих пор. Почему? В контексте ответа на этот вопрос нам представляются весьма интересными рассуждения признанного финансового гения современности и известного филантропа Дж. Сороса в книге «Кризис мирового капитализма» (название, кстати, весьма показательное в свете выявления перспектив капитализма) [3].

Прежде всего следует отметить, что делая предметом своего рассмотрения самоё сердцевину современного капитализма, Дж. Сорос исходит из того, что без анализа и определённого разрешения некоторых абстрактных философских идей никакие другие решения, касающиеся конкретных вопросов мира финансов и политики, не будут иметь смысла. Поэтому его книга и начинается с рассмотрения старого философского вопроса о соотношении мышления и реальности. Было бы глупо не разделять мышление и реальность, начинает Сорос своё исследование в области, как он выражается, «философии делового мира» и тут же добавляет, «но было бы также неверно рассматривать мышление и реальность как абсолютно разделенные и независимые явления» [3, с. 11]. В ситуациях, где присутствуют мыслящие участники, мысли этих участников являются частью самой реальности, о которой думают. Отсюда следует, что в ситуациях, включающих мыслящих участников, события не происходят независимо от того, что эти участники думают. Предвзятости сознания оказывают существенное влияние на реалии действительности, потому последние не могут считаться независимым критерием для определения истинности утверждений. Именно это явление и наблюдается постоянно на финансовых рынках, подчёркивает Дж. Сорос. А мы добавим от себя, что это явление, как показывает опыт России и Украины, по крайней мере, представляется характерным для капитализма вообще.

В самом деле, ведь капитализм воспроизводит себя благодаря возможности инвестирования. Сущность инвестирования заключается в предвидении, или «дисконтировании», будущего. Но цена, которую инвесторы готовы заплатить сегодня за ценную бумагу (валюту или товар), может изменить состояние соответствующей компании (валюты

или товара) самыми разными способами. Таким образом изменения текущих ожиданий влияют на будущее. Наши ожидания будущих событий не являются пассивными в отношении самих этих событий, они могут измениться в любой момент, изменяя при этом результат. Одним словом, человеческое мышление, сфера его ментальности в целом одновременно искажает реальность и изменяет ее. Поэтому Дж. Сорос и делает вывод о том, что надо признать ошибочность всех построений ума и рук человеческих. Причём речь идёт не о простой недостаточности соответствия между мышлением и реальностью, а о реальном недостатке всех человеческих построений и о реальном расхождении между результатами решений и деяний человеческих и ожиданиями, настойчиво уточняет Сорос [3, с. 16]. Но ведь факт того, что наше понимание является по своей сути несовершенным, делает возможным познание и совершенствование нашего понимания. Когда все построения имеют недостатки, варианты приобретают значимость. Одни построения лучше, другие – хуже. Совершенство недостижимо, но то, что по своей сути несовершенно, открыто для безграничного усовершенствования. Здесь рассуждения Сороса и подводят к вопросу об основании выбора между вариантами, на каком основании, благодаря чему сознание человека окажется в состоянии сделать это, ведь оно погружено в состояние радикальной ошибочности? Вопрос не из лёгких, но радует то, что поиски ответа на него обещают осуществляться, начинаясь не с нулевой отметки, его исследование уже имеет прецедент в истории мысли.

Начнём с того, к чему пришла человеческая мысль в понимании самой природы сознательности. Сознание означает какую-то связь или соотносённость человека с иной реальностью поверх или через голову реальности, которая его повседневно окружает. Благодаря этой связи нечто выделяется в реальности, но таким образом, что человек отстраняется от привычного для него, обыденного мира собственных интересов и стремлений и видит привычный мир как бы со стороны, в свете какого-то *иного* измерения, превышающего обыденную точку зрения. Тем самым, сознание обладает способностью видеть реальность в форме всеобщности и необходимости, потому оно одновременно есть и различение, и свидетельство о реальности. Такое понимание сознания, по нашему мнению, представляет собой общее исходное основание для более глубокого и содержательного его понимания в различных философских теориях. И различаются они как раз пониманием природы удивительной способности человеческого сознания преодолевать даже факт собственной включённости в реальность. А ведь именно он имеет своим следствием то, что сознание становясь элементом реальности, овеществляется и оказывается способным лишь участвовать в механизме её воспроизведения. Иными словами, будучи включённым в реальность, сознание оказывается в состоянии лишь выражать последствия своего реального положения, порождая необходимо следующие из этого положения мыслительные

формы. Тем большую значимость приобретают поиски основания для реализации удивительной способности сознания преодолевать состояние, чреватое травмой для его природы, основания способности сознания оставаться сознательным.

Отметим далее, что в деле поиска выхода из состояния овеществления, в которое погружено сознание представителей делового мира и правительств, рассуждения Дж. Сороса перекликаются с теоретическими изысканиями немецких мыслителей – наследников гегелевской философской школы, которые имели место ещё в первой половине XIX века. А они, в свою очередь, неблагоприятную современность, ввергавшую сознание в состояние рабского преклонения пред действием деспотического механизма абсолютной монархии, подавлявшего самую возможность поисков основания для суждения о существующей практике, сравнивали с периодом разложения античной культуры во времена поздней Римской империи. Уже тогда, как результат подавленного состояния сознания, возникло скептическое отношение ко всякой реальной возможности для него подняться до позиции, открывающей перспективу единения единичного и всеобщего в реальности, с которой становятся различимы всеобщее и необходимое в ней. Уроки древнего мира казались людям, вышедшим из школы Гегеля (не только левого, но и других ее направлений) прозрачной аллегорией, отмечал в книге «Искусство и общественный идеал» Мих. А. Лифшиц, который специально исследовал вопрос о поисках в среде немецкой интеллигенции 30-х годов XIX века путей эмансипации сознания из состояния овеществления [4]. И чем дальше роковое движение буржуазного общества уходило от царства свободы и разума, провозглашенного французской революцией, тем больше общественный интерес перемещался с Афин и Спарты на Римскую империю, каковую сам Гегель в своих лекциях по истории философии называет реальным скептицизмом. Иными словами, «реальный скептицизм» был общим жизненным фоном римской эпохи, но он же, подчёркивает Лифшиц, имел для сознания свои утешительные стороны. Особенно примечательна в этом контексте позиция К. Маркса, который в своей докторской диссертации, на материале сравнительного анализа натурфилософских систем Демокрита и Эпикура сделал вывод о том, что счастливой стороной несчастливого для сознания времени оказывается субъективная форма, модальность, в которой философия, как субъективное сознание, относится к действительности [5, с.110]. Это значит, что основание для деятельности сознания в условиях, когда оно обнаруживает себя находящимся в состоянии радикальной ошибочности (интеллектуального скептицизма) может обнаружиться или сформироваться только из оппозиции ко всему окружающему образу жизни.

Но тем самым ставится под сомнение позиция, восходящая к Декарту, и согласно которой предполагается, что содержания духовной

жизни человека (затрагивается ли этим процесс мысли, поведение, интересы или чувства человека) могут быть воспроизведены и фиксированы сознанием, как целенаправленная конструкция предмета, имеющая своим исходным пунктом некоторое естественным образом существующее совпадение мысли и предмета, некоторое «истинное положение дела», уже существующее до актуальной перестройки стихийного процесса сознания. Именно на это и указывает Дж. Сорос, когда говорит об активной роли предвзятостей человеческого сознания даже в деле рыночного ценообразования, не говоря уже о других более сложных формах экономической практики.

Да что Сорос, тот же Маркс, неизменно разоблачавший иллюзорные представления агентов капиталистического производства, отмечал у капитала тенденцию сводить цену, как выражение простейшей экономической реальности (товара) в некоем превышающем всякие субъективные мерки измерении (в данном случае стоимостном измерении), к своей чисто абстрактной и бессодержательной форме. К такой форме, в которой цена выступает просто как определённая сумма денег, которая уплачивается за нечто существующее просто в качестве предмета потребления. Всякое иное измерение, отличное от того, что в зависимости от ситуации сложилось как факт, здесь не имеет места. Конъюнктура рынка определяет здесь не отклонение от закона: здесь просто не существует никакого иного закона, кроме того, который диктуется этой конъюнктурой [6, с. 389 – 391]. Потому движение и присвоение богатства становятся здесь просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы – биржевыми волками. Известная свобода инициативы, присущая капиталистическому укладу, кажется теперь призраком золотого века. Свобода превращается в монополию, и этот яд отравляет общество сверху донизу, погружая его в состояние, красноречиво названное Гегелем «реальным скептицизмом». Своим следствием оно имеет то, что сознание как способность суждения, как свидетельство о реальности в свете выявляющей её всеобщие и необходимые характеристики перспективы, вытесняется из окружающего мира в себя, существуя вопреки этому миру, не соответствующему требованиям разумного самосознания.

Этот относительный избыток духовного развития имеет весьма неоднозначное значение для сознания. С одной стороны он порождает у сознания чувство усталости вследствие перегруженности багажом умственного содержания, какой-то старческой дряхлости и внутренней слабости, происходящей оттого, что содержание это предстаёт для сознания, как бы насквозь прозрачным, до конца исчерпанным, потому воспроизводящимся машинально, оттого неспособным оживлять сознание, увлекая его силой собственной самобытности. В результате сознание действительно переживает состояние, названное Ж. Бодрийяром состоянием «после оргии», когда всё уже случилось и наступает чувство пресыщения. И здесь нетрудно вообразить, что

именно перевес сознательной мысли над стихийным действием мешает человеку жить, а привычка к безволию и своего рода отбор, закрепляющий это безволие в больших группах людей, особенно среди интеллигенции, кажется подтверждением неизбежности антагонизма между мышлением и свободной жизнедеятельностью. И тогда развитая до крайности интеллектуальная субъективность обращается против самой себя, порождая в умах людей, профессионально занятых в интеллектуальной сфере, болезненное ощущение избытка сознательности, явление, названное Мих. А. Лифшицем, «болезнью рефлексии» [7]. Находясь во власти этой болезни, сознание полагает, что уж лучше миру остаться таинственным и непонятным, а человеку, живущему в этом мире, действовать слепо, творить без всякого контроля сознания, если анализ нашего положения мешает нам двигаться.

Смеем предположить, что подобные настроения имеют широкое хождение в умах интеллектуалов, близких к принятию решений в сфере экономической действительности России и Украины, иначе как объяснить их приверженность идеологии рыночного фундаментализма, которая, как подчёркивает Дж. Сорос, считает возможным в экономической практике опираться на стихийно действующие законы рынка.

В позиции самого Сороса привлекает то, что она не является следствием «болезни рефлексии» и представляет собою иное, более богатое для сознания следствие его конфронтации с действительностью. Поэтому весьма интересны его рассуждения о том, как же всё-таки разумно поступать в условиях, когда реальность не способствует деятельности разума, не предоставляет основания для таковой. Прежде всего, им отмечается какое-либо стремление втиснуть реальность в прокрустово ложе той или иной теоретической схемы, лучше бессознательная, невольная преданность тому, что действительно есть и бывает в жизни, чем искусственные попытки тем или иным способом сформировать действительность. Получается, что для него ложное сознание хуже бессознательного чувства истины. Как раз в этом, на наш взгляд, просматривается определённая параллель в исходных теоретических позициях Дж. Сороса и одного из представителей немецких интеллектуалов послегегелевского периода, а именно, молодого К. Маркса. Близость и даже некоторая преемственность их позиций интересна уже тем, что представляет собой обобщение исторического опыта, как говорил Гегель, «несчастливого сознания», мыслителями, находящимися на далёких друг от друга теоретических позициях. Тем не менее, они оба видят две стороны, две возможные тенденции действия, обнаруживающиеся для сознания в несчастливое для него время торжества «реального скептицизма». Специфической позицией Маркса было то, что аллегорическое выражение этих тенденций он обнаруживает в атомистике Эпикура.

Если для других наследников гегелевской школы, как и для самого Гегеля, атомистика Эпикура, особенно учение об отклонении атома от прямой линии, представляет собой крайнее развитие принципа эмпирического «Я», произвола частных лиц, способного только нарушить единство античной политики, то Маркс находит в учении об отклонении атома совсем другой смысл. Он реабилитирует Эпикура как мыслителя, видящего в разумном применении «эгоизма» основу человеческого общества. Отклоняясь от «несамостоятельного» движения по прямой линии, атом проявляет себялюбие, свой собственный интерес. Но только посредством этого отклонения он сталкивается в пространстве с другими атомами и может вступать с ними в различные сочетания. Тем самым через способность к произволу создается, так сказать, общественность атомов, т. е. нечто превосходящее их себялюбие, отрицающее их взаимное отталкивание. Нам представляется, что логика этого рассуждения вполне значима и для сознания. И тогда получается, что действуя в соответствии со своими предвзятостями, сознание каждого индивида (человека как атома) посредством отрицательного отношения ко всему другому создаёт вокруг себя атмосферу абсолютного отрицания, доходящего до отрицания и самого отрицания. В самом деле, ведь отрицая всё другое помимо себя, выставляя собственную уникальность, каждый из всех атомов-индивидов тем самым обратным образом утверждает сходство, подобие, отношение всеобщности. Тем самым обнаруживается то, что кроме материи как субстрата окружающего нас материального мира, есть еще необъятное многообразие всевозможных отношений, форм, структурных связей, которыми живет материя, которые, по существу, материальны, но не являются веществом.

В опоре на этот формальный мир бытия, для сознания, угнетённого состоянием «реального скептицизма», открывается возможность по мере того как им утрачивается способность видеть реальность в свете иного, превышающего обыденный взгляд измерения, по мере того как всё другое за исключением ближайшего для человека, того, чем он непосредственно озабочен осознаётся как ад; чем больше сознание реально оказывается погружённым в собственные предвзятости – тем более превышающее обыденность измерение обнаруживает себя обратным путём, через подъём малого, развития внутренней жизни сознания. В нём посредством совершенствования субъективного мастерства всё больше растёт способность обнаруживать выход за пределы собственных предвзятостей после того и в зависимости от того, как в живом взаимодействии-испытании мира со стороны самого человека-субъекта выявляется связь, отношение, делающее возможным воспроизведение субъектом самого себя и своего отношения к действительности, чтобы в следующий момент времени быть тем, чем был до того и наследовать мысли, имевшиеся до того.

Тем самым, воспроизводя всё то, что образует определённую манеру, типичный стиль в подходе к делу, человек через подъём малого, т. е. обратным образом, создаёт для сознания основание преодолеть привязанность к плоскости быта и освободиться от проистекающих из этой привязанности предвзятостей, преодолеть своё овеществлённое состояние. Таковое оказывается возможным как раз в силу того, что сознание человека, будучи в конфронтации со всем другим, культивирует свою внутреннюю способность сохранять собственную идентичность и равновесие в деле критического отношения к реальности, тем самым возвышаясь над разлагающими всякое единство односторонностями.

Об этом фактически, может даже не ведая того, и говорит Сорос, когда представляет публике свою теорию радикальной ошибочности всех человеческих построений, восходящей в свою очередь к процедуре методологической фальсификации К. Поппера.

Концепция «радикальной ошибочности» Дж. Сороса оправдывает только одно заявление — что все человеческие построения потенциально ошибочны. Но, как подчёркивает он сам, это не отбило у него охоту составлять суждения и делать инвестиции, наоборот, он продолжает делать и то, и другое, относясь к своим действиям как к «плодотворным ошибкам». Я искал ситуации, — пишет Сорос, — в которых мои идеи не совпадали с расхожей мудростью. Но я и здесь постоянно искал ошибки, а когда находил, то с радостью и готовностью исследовал их. Обнаружение ошибки в моих финансовых операциях часто давало возможность получить хоть какие-то прибыли или сократить убытки. Обнаружение ошибок, тем самым, становится плодотворным делом, поскольку они хотя бы отчасти приносят «выгодные» результаты. Как долго результаты остаются выгодными, зависит от того, признаются и исправляются ли обнаруживающиеся в них изъяны. Таким образом построения постепенно могут стать более совершенными.

Таким образом, превосходящее необходимо сложившуюся мыслительную формацию измерение может представлять для сознания, находящегося в подавленном данной формацией состоянии, и так сказать задним числом, посредством своего обратного проявления через явление собственной тени. Вообще, обнаружение обратного тому, что есть (и утверждается, развивается) в жизни — это дополнение всякой реальности до её полноты, которая неизбежно утрачивается в каждом «утверждении», в чём-то определённо существующем. Это форма выражения примата действительности и недостаточности, вторичности требования соблюдения априорного синтеза, целостности, генетизма, вообще формальной определённости при обнаружении движения содержания действительности. Все формальные определённости имеют своё слабое звено, ибо все они представляют собой условное, символическое, приблизительное, насильственное решение неразрешимой задачи охвата чем-то определённым, конечным

бесконечности бытия. Потому всякая попытка человека выявить в реальности форму априорной целостности или генетизма должна ещё быть принятой бесконечной стихией бытия, обрести санкцию всеобщности. Поистине практикой человек должен доказать мощь, посюсторонность своего мышления, в ней он испытывает природу и свою собственную социальную судьбу, опираясь, говоря словами Эйнштейна только на то, что оказывает сопротивление. Посредством этого сопротивления, доходящего до возмездия или воздаяния, само бытие обнаруживает себя, отвечая человеку на его дерзкое стремление измерить безмерное, отвечает, приобретая отчуждённую от него, необходимо отчуждённую субъективность.

Потому всякая формальная определённости требует искупительной жертвы, подлежащей действию стихийной субъективности бытия. Отсюда общественная необходимость фантазий, предвзятостей человеческого сознания, которые, однако, могут играть весьма реальную роль, обратным путём, через процедуру фальсификации, обнаруживая то, что практично, реально, отличается от фантазии. Обратным способом здесь обнаруживается то, что действительность, при всей её сложности, не простая бессмыслица, иррациональное бытие, что в ней есть что-то родственное человеческому сознанию, хотя и вполне материальное, доступное нашим чувствам и делающее возможным само появление в природе сознательного существа.

В заключение сделаем некоторые **выводы**.

**Первое.** Измерение, позволяющее сознанию видеть реальность в свете превышающей её наличное состояние, безусловной исторической перспективы, в неблагоприятных для такого усмотрения условиях, когда сознание очаровано предвзятостями, порождёнными практикой его функционирования, обнаруживает себя – не вследствие его видения сознанием в качестве объективно существующей безусловной перспективы, а вследствие его реализации через способность сознания, так сказать, замыкаться в себе, действуя вопреки всему другому для себя, обратным образом представляя действительность безусловного измерения.

**Второе.** Обратное искомому обнаружение в реальности объективного измерения возможно в силу того, что всякая реальность в действительности (как действительность) существует лишь в отношении к другой действительности, помимо этого отношения действительность оказывается ограниченной, а потому и определённой лишь пустотой. Но невозможно быть определённым пустотой, ничто ничто не определяет, определяет лишь то, что оказывает сопротивление. Этим обнаруживается то, что кроме материи как субстрата окружающего нас материального мира, есть еще необъятное многообразие всевозможных отношений, структурных связей, которыми живет материя, которые, по существу, материальны, но не являются веществом, образуя формальную

определённость бытия. Эта формальная определённость и служит основанием явления энантиодромии, появления одного вместо другого.

**Третье.** Ведя борьбу с односторонними видами реальности, подвергая их процедуре фальсификации, человек оказывается в состоянии обнаружить в глубине её бытия самый простой, широкий, потому бедный содержанием слой формального единства. Он находит себе отражение в общих абстрактных закономерностях формы, каковы симметрия, ритм, архитектоника, единообразие, скрытые в самых сложных и случайных образованиях.

**Четвёртое.** Обнаружение в реальности абстрактного слоя формального единства ставит вопрос о соотношении логически-дедуцированной и действительной формы развития истории. В контексте проблемы выявления перспектив капитализма, особенно с учётом опыта России и Украины, этот вопрос заостряется до дилеммы – существует ли всё только для последующего или имеет собственное классическое развитие? Содержатся ли законы стоимости в законах капитализма или они имеют самостоятельную сферу развития, логико-историческую сферу? Благословения капитала или стоимости должен испрашивать человек в своей хозяйственной деятельности?

**И последнее.** Опыт постсоветских стран в деле приобщения к реалиям капиталистической практики говорит о том, что нужно учиться утрачивать утраченные иллюзии, стремиться делать это. Этот урок позволяет сознанию противостоять «болезни рефлексии» и не утрачивать оптимизма.

#### **Список использованной литературы**

1. Колганов А. И. «Инновационное развитие: уроки постсоветской России». – Журнал «Альтернативы». – Электр. ресурс – [www.alternativy.ru](http://www.alternativy.ru)
2. Кобяков А. Б., Хазин М. Л. «Закат империи доллара и конец Рах Americana», М., Издательство «Вече», 2003 – 368 с.
3. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. – М. : ИНФРА, 1999. – 262 с. – Электр. ресурс – [www.bookz.ru](http://www.bookz.ru)
4. Лифшиц М. А. Карл Маркс. От революционной демократии к научному коммунизму / Искусство и общественный идеал. – электр. ресурс – [www.mesotes.narod.ru](http://www.mesotes.narod.ru)
5. Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. 40. – С. 147 – 233.
6. Маркс К. Капитал. Т. 3. – Ч. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1954. – Т. 25. – Ч. 1. – 545 с.
7. Лифшиц М. А. Феноменология консервной банки. – Электр. ресурс – [www.mesotes.narod.ru](http://www.mesotes.narod.ru)

**Молодцов Б. І. Про зворотне виявлення історичної перспективи для реалій капіталістичної практики**

У статті досліджуються можливості людської свідомості у справі виявлення історичної перспективи, яка б висвітлювала реалії сучасної капіталістичної практики навіть в умовах, коли необхідно відтворені цими реаліями мислені форми пригнічують здатність людської свідомості бачити реальність у перспективі. У таких умовах здатність буття до виявлення зовні свого виду реалізується зворотним чином, виходячи із здатності свідомості діяти усупереч всілякій обмеженості, тим самим представляючи дійсність безумовного виміру реальності. Звідси ж і соціальна необхідність фантазій, упереджень людської свідомості, які, проте, можуть відігравати досить реальну роль, зворотним шляхом, через процедуру фальсифікації, виявляючи те, що практично, реально, відрізняється від фантазії.

*Ключові слова:* свідомість, об'єктивна мислена форма, метод фальсифікації, дійсність.

**Молодцов Б. И. Об обратном обнаружении исторической перспективы для реалий капиталистической практики**

В статье исследуются возможности человеческого сознания в деле обнаружения исторической перспективы, в свете которой реалии современной капиталистической практики обрели бы определённости даже в условиях, когда необходимо воспроизводимые этими реалиями мыслительные формы подавляют способность человеческого сознания видеть реальность в перспективе. В таких условиях способность бытия к обнаружению вовне через явление своего вида реализуется обратным образом, исходя из способности сознания действовать вопреки всякой ограниченности, тем самым представляя действительность безусловного измерения реальности. Отсюда же и общественная необходимость фантазий, предвзятостей человеческого сознания, которые, однако, могут играть весьма реальную роль, обратным путём, через процедуру фальсификации, обнаруживая то, что практично, реально, отличается от фантазии.

*Ключевые слова:* сознание, объективная мыслительная форма, метод фальсификации, действительность.

**Molodsov B. I. On the rediscovering of the historic perspective for realities of the capitalist practices.**

In the article investigated possibilities of the human consciousness in exploring historical perspective where realities of the modern capitalist practice would find definiteness even under conditions when reproduced by these realities cogitative forms repress ability of human consciousness to see reality in a perspective. Under these conditions ability of the being to detect outside realized by reverse character, coming from ability of consciousness to act against any limit. Therefore comes public necessity of fantasies and

prejudgment of human consciousness, which, however, can play the very real role, by a reverse way, through procedure of falsification, finding something, which is practical, real, and is different from fantasy.

*Key words:* consnessness, objectiv thinking form, method of falsification, reality.

Стаття надійшла до редакції 14. 05. 2012 р.

Прийнято до друку 24. 05. 2012 р.

протоколом № 10.

Рецензент – к. соц. н, доцент

Лебідь Л. І.

УДК 316.334.2:314

**Злотников А. Г.**

### **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Характерной чертой современного развития общества является его демографизация. Демографические процессы не сводятся только к процессам рождаемости. Они одновременно характеризуются естественным (соотношением рожденных и умерших) и механическим (перемещением в пространстве) движением населения. Демографическое поведение людей отражает процессы, происходящие в семейной сфере, размещении производительных сил, медицине и здравоохранении, юридической, правоохранительной, градостроительной, военной сферах и т.д. Т.е. практически все процессы и явления связаны с демографической сферой, как на макроуровне, так и микроуровне (личности и семьи). Демографический срез присутствует в социальной, политической, духовной и повседневно-бытовой сферах, каждом социальном институте и социальных общностях. И в этой связи демографический аспект общества выступает и как основа и как итог развития многообразного взаимодействия общества, личности, социальных сфер, социальных институтов и социальных общностей разного типа, уровня и сложности.

Это методологическое положение служит основой анализа демографической ситуации и важного ее элемента – развития трудового потенциала постсоветских государств и прежде всего России, Украины и Беларуси. Несмотря на разные политические и социально-экономические модели итоги и перспективы развития их в демографической сфере негативны. Прежде всего подтверждается вывод лауреата Нобелевской